

История их дальнейших приключений нами уже частично восстановлена⁹ в пьесах «Сон в летнюю ночь» и «Много шума из ничего».

Возможно, исследование других комедий, которые упоминают авторитетные шекспироведы как родственные показанным в этом эссе, продолжит шекспировскую летопись пребывания группы юных москвитов в Британии и позволит нам узнать нечто новое о трагических событиях предромановской эпохи и пополнить наши знания в теории и практике интеллектуальных войн и единоборств «мягкой силы», которым британцы обучали россиян в начале XVII века.

А вот «как нам это понравится»? Пока загадка.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Афонская свеча. Сборник / Сост. Е. В. Лукин. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2016. — 320 с.

«И стирали годы нашу память». Казалось, для истребления многовековой духовной культуры России было сделано все. Разрушены и снесены храмы, взорваны впитавшие святое слово камня, подверглись гонениям священнослужители. И только полуразрушенные, засиженные вороньем, насквозь продуваемые ветрами церквушки, казалось, «о нашем, а не о своем // Скорбят глухими вечерами». Но вот «еще не рассосалась мгла // над исковерканной Россией, // но вновь поют колокола, // и звоны тают в небе синем» (Г. Горбовский), и правнуки расстрелянной Руси обратились к святым истокам, к православной составляющей русской души, являя в своих произведениях тематическое многообразие и глубокое личностное восприятие духовного наследия. Об этом свидетельствуют стихи, рассказы, эссе сорока поэтов, прозаиков, философов, вошедшие в сборник «Афонская свеча». «Ведь столько лет совсем не понимали, // Не слышали божественный мотив» (В. Симаков). И вот этот мотив зазвучал, зазвучал выразительно и звучно в стихах, посвященных евангельским сюжетам, древним легендам, православным праздникам и православным святым, утраченным и возрожденным храмам, деревенским церквушкам. «Русь — это древних церквей // золотой на заре перезвон. // Он — наша память. // И предкам ушедшим // наш в пояс поклон» (В. Леонов). Среди русских святых особое место занимает Крым: керченский храм, «где древность дышит и камень лишайником вышит», Херсонес, «где князь у икон впервые благоговейно преклонился», неоскверненная святая Топловского монастыря (Т. Шорохова) и греческий Афон, мистическими мостами связанный с Русью, Россией. Лейтмотивом многих стихотворений является очищение раскрытой Богу души. «Сам Господь оскверненные мысли // Изгоняет по просьбе души...» (В. Голубев). Осмыслению русской истории посвящен ряд философских работ, включенных в сборник. О религиозно-философских основоположениях Золотой Руси (Руси Киевской и Московской) размышляет А. Казин. По его мысли, именно Киевская София заложила прочное христианское основание тысячелетней России, православие как народную форму существования: жить на земле, как на небе. Киевская и Московская Русь являлись теократиями, в которых Бог освещает и ограничивает власть государя. Симфония была нарушена, когда на Золотой Руси XVII века встретились три православные силы: царь, патриарх и старообрядцы, которые «полагали, что они хозяева на Руси, а хозяином был — и есть — Господь, и ведет Он ее Своими, а не чьими-либо человеческими путя-

⁹ Гранцева Н. Шекспир и проблема дезинформации. Журнал «Нева», 2016, № 4.

ми». А. Казин считает, что именно от XVII века берет начало и тянется цепочка к 1917 году. Эссе Л. Горшкова посвящено Иоанну Кронштадтскому (1829—1908), пастырю и пророку, еще в 1905 году резко выступившему против захвата власти интеллигентами, «которые захотели бы управляться и управлять государством при своей общей близорукости, своих своекорыстных, страстных, буйных увлечениях, от которых ничего нельзя отгадать доброго, кроме ломки старого, хотя и нужного, и введения новых форм правления, нового направления или бесправия по новым, западным, не идущим к нам образцам; ни на один день не было бы порядка от такого собрания эгоистов и ничего доброго для народа». И, конечно, присутствует в сборнике ряд очерков о святынях Афона и их значении для русского православия. Это и очерк А. Любомудрова о путешествии в Грецию в 1927 году Б. Зайцева, автора замечательной книги «Афон». И очерк В. Овсянникова о многовековой традиции русских людей — паломничестве к святыням Афона и русских паломниках. И подробная история русского Афона, русского монастыря Святого Великомученика Пантелеимона и его обитателей в изложении В. Малышева, в 1988 году работавшего в Греции заведующим ТАСС. Название сборника символично: поводом для его выхода стало 1000-летие русского присутствия на Святой горе Афон, отмечавшееся православным миром в 2016 году. Тысячу лет назад попечением святого князя Владимира на горе Афон был основан первый русский монастырь, возведенный из дерева, почему и получил название Ксилургу — древодел, плотник. В Успенском соборе Ксилургийской обители принял постриг один из первых русских паломников на Святую гору — будущий преподобный Антоний Печерский, ставший родоначальником всего русского монашества. Ксилургийскому скиту посвящена поэма петербургского писателя, составителя сборника Е. Лукина: «Владимира свершилось предсказанье: // Над родиной — божественный Покров, // Святой горы небесное посланье, // Благословенье русских чернецов». К светлому посланию можно отнести и этот сборник, сборник современных русских духовных произведений. «Нам не впервой вставать и восставать // на пепелище попранного духа // и строить Храм, чтоб зренья и слуха // Коснулась неземная благодать» (В. Шемшученко).

Адам Водницкий. Провансальский триптих. Пер. с польск.

К. Я. Старосельской; Предисл. Мариуша Вилька; Послесл. Дариуша Чаи.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. — 488 с., ил.

Адам Водницкий (р. 1930) полжизни посвятил Провансу: переводил его поэтов, преподавал искусство перевода в Арле. Для него Прованс — сказочное отечество, где можно обрести «покой и веру в разумный порядок вещей, в прочность и стабильность всего сущего», вернуться к своим корням. История родов здесь просматривается из глубины веков, чего нет ни в Польше, ни у нас. Потомки семейств возлюбленной Петрарки, Лауры и ее мужа, до сих пор обитают в Авиньоне. В Арле немало тех, чьи предки по мужской линии погибли вместе с Роландом в Ронсевальском ущелье. История Арля, города, основанного Юлием Цезарем на месте кельтского поселения в 49 году до н. э., и исторической области, занимавшей когда-то юг Франции и ряд сопредельных районов Испании и Италии — Окситании, — отнюдь не безмятежна. Средневековые войны. Великая французская революция, когда за несколько лет революционного безумия было разгромлено, сожжено, разграблено больше, чем во всех предыдущих войнах. XIX век, когда вера в чудеса науки и техники и презрение к минувшим эпохам принесли больший урон, чем опустошительные войны. Массированные налеты британской и американской авиации летом 1944 года, фактически уничтожившие исторический Арль. Для Водницкого «Прованс — не уголок земли, а способ мышления, особое состояние духа, которое возникает,

когда изо дня в день слышишь доносящиеся из прошлого голоса, слившиеся с повседневностью мифы, речь камней, света, облаков; нужно просто открыть его в себе, разглядеть наслаивающиеся один на другой пласты времени, приноровиться видеть как существующие, так и несуществующие вещи, научиться общаться с призраками, находить места, которых нет, — а быть может, никогда и не было?» Прованс Водницкого — «это неожиданные открытия, происшествия, волнение, озарения, неустанные поиски, метания между реальным и воображаемым, между *здесь* и *там* во времени и пространстве». Ему доступны знаки и символы, знакомые и далекие, забытые. В слове он может передать волшебный звуковой ландшафт этого края, мозаику его запахов, игру красок и света, воссоздать картины мира, которого уже нет. В Провансе Водницкого говорят и камни развалин: фантазмагорическая архитектура средневековья, романские соборы, сохранившие что-то не только от архитектурного совершенства, но и от холода языческих капищ, древние монастыри, священные места западного средневекового мира, когда-то привлекавшие множество паломников. Раритеты, артефакты, приметы и следы далекого прошлого, пробивающегося сквозь время и землю. Искусник слова, Водницкий отдает дань древним языкам. Общей когда-то для всех латыни; мертвому языку шуадит, еврейско-провансальскому диалекту окситанского языка; самому старому литературному языку Запада — провансальскому, в XIX веке превратившемуся в презируемый элитой язык черни и возрожденному как благородный Ф. Мистралем. У Водницкого история Древнего Рима, средневековья, катаров, что в Окситании назывались альбигойцами, новейшие времена и день сегодняшний (книга создавалась в 2001—2012 годах) предстают как единое и неделимое целое. «От прошлого нельзя убежать. На каждом шагу сталкиваешься с ним лицом к лицу, видишь, как оно сплетается с сегодняшним днем, как, нашептывая что-то увлекательное, запускает невидимые корни в самые глубокие, самые потаенные уголки души». Наш до боли знакомый новый мир оказывается тесно связанным с миром древних мифов и обрядов. Камарагские гонки за быками, фиеста, пасхальная феерия, традиционный средиземноморский рынок... Эта книга — череда событий и удивительных встреч не только с историей, но и с конкретными людьми. В своем воображении Водницкий реконструирует несохранившийся дом Петрарки в Воклюзе, где поэт прожил 15 лет; идет по следам Ван Гога; поселившись в том же номере отеля «Le Grand Balkon», где останавливался Сент-Экзюпери, погружается в эпоху 20-х годов XX века. Странствия по Провансу дарят волнующие встречи с современниками. Блестящий эрудит Водницкий (масса отрывков из старинных манускриптов, воспоминаний, легенды, стихи) выступает в книге и как философ, который осознает, что «нашему миру — хотим мы того или нет — приходит конец, ибо таков порядок вещей. Что от него останется?», и что «только сейчас, задним числом, до нас доходит, что растоптанное прошлое не возродить, что, стирая его следы, мы утрачиваем идентичность». По словам М. Вилька, автора предисловия к книге, мир Прованса представлен в ней в слове с большей полнотой и разнообразием, чем видимый глазом реальный мир. Красоте слога Водницкого мы можем почувствовать благодаря Ксении Старосельской, ставшей лауреатом премии «Мастер-2016» гильдии «Мастера литературного перевода» в номинации «Проза» за перевод этой книги.

Из переписки Е. Л. Шварца. 1913—1958. Подготовка текстов, составление, вступление и комментарии Евгения Биневи́ча. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2016. — 580 с., ил.

Во вступительном слове Евгений Биневи́ч предуведомляет: «Письма Шварца и письма к нему представляют несомненный интерес. В его письмах — подробно-

сти жизни в то или иное время; над чем работает и как эта работа ему дается. Иногда в письмах мелькают мысли, которые мы потом находим в произведениях Евгения Львовича. И то, и другое — бесценный материал для понимания жизни и быта, человеческих привязанностей, для более глубокого постижения творчества Шварца, проникновения в „лабораторию“ писателя. В письмах к нему, особенно последних лет, друзья пишут о своем отношении к его пьесам и их постановкам, ко всему его творчеству. И это куда точнее и объективнее, чем вся прижизненная критика о писателе. Наиболее интересные куски этой переписки уже публиковались в различных повременных изданиях и сборниках. Но собранные вместе, даже не смотря на то, что напечатана уже большая часть дневников-воспоминаний Шварца, они во многом дополняют наше восприятие замечательного писателя». Книга получилась объемная, хотя почти весь довоенный архив Шварца погиб в блокаду. Из писем его корреспондентов сохранились лишь те, что были написаны с 1942 года, когда ослабевшего, оголодавшего Шварца и его жену вывезли на Большую землю. Но и письма Шварца сохранились тоже далеко не все. Был равнодушен к своему архиву Юрий Герман (чудом уцелело лишь одно письмо Шварца к нему). Зато много писем самого Германа. Кто-то уничтожал свою корреспонденцию, как Владислав Глинка и Николай Заболоцкий, не желавшие, чтобы те, кто может прийти за ними, «грязными руками лазили в чужие письма». Наиболее полно представлена переписка с домочадцами, а также с Н. Акимовым, В. Бианки, Ю. Германом, В. Кавериним, М. Э. Козаковым, Г. Козинцевым, Л. Малюгиным. Д. Шостаковичем, Эйхенбаумами, Е. Юнгер. Часть писем публикуется впервые, что-то взято из архива Е. Биневича, который еще в начале 60-х годов прошлого века, будучи студентом театроведческого факультета Ленинградского театрального института, начал заниматься жизнью и творчеством Е. Шварца. Шварцу — сценаристу был посвящен диплом Е. Биневича, в 2008 году исследователь выпустил в свет первую биографию замечательного российского писателя — «Евгений Шварц. Хроника жизни». В настоящем издании прокомментировано каждое письмо: прояснена судьба каждого упоминаемого человека, рассказано о его взаимоотношениях с Е. Шварцем, прояснены все ситуации, даны справки об организациях и учреждениях, печатных изданиях, приведены фрагменты воспоминаний самого Шварца и его современников. Из сохранившихся лоскутков складывается выразительная повесть об огромном периоде досоветской и советской истории, о взаимоотношениях тех, кто жил в сложное, трагическое время, с такой рельефностью отразившееся в удивительных сказках замечательного драматурга, писателя, публициста, сценариста. Издание дополнено множеством фотоиллюстраций.

**Игорь Ефимов. Сумерки Америки. Саркома благих намерений:
Исторический анализ. СПб.: Лимбус-Пресс, 2017. — 420 с.**

Тревоги и болевые точки современной Америки. Игорь Ефимов, известный писатель и философ, эмигрировавший в США более сорока лет назад, американскую жизнь знает изнутри. Не единожды ему приходилось сталкиваться с ее особенностями. Запреты на сбор грибов, на свободный вход в лес, на лов рыбы — цветочки; страшнее КГБ (а последние двадцать лет в СССР для писателя были окрашены ежедневной готовностью к обыску и аресту) оказалась судебная система США. «Тем не менее за эти двадцать лет (в СССР) я никогда не испытывал такого страха и чувства полной беспомощности». Многое в новой для себя среде обитания он постигал на собственном опыте: выгоды и азы самолечения, преимущество заимствования денег у знакомых вместо банковских кредитов. И. Ефимов последовательно рассматривает разные сферы американской действительности: систему образова-

ния, губящий Америку жилищный вопрос, юриспруденцию, а также страховой бизнес, здравоохранение, фармакологию и адвокатуру — четырех гигантских «драконов», пожирающих изнутри государственный организм, а также дипломатию, законодательную систему... Немало парадоксальных (для нас, неискушенных) ситуаций, связанных с «верховенством закона», оборачивающегося на деле надругательством над здравым смыслом, трагедией для одних и источником наживы для других. «И год за годом у меня все больше укрепляется впечатление, что американская юстиция перешла от защиты прав гражданина к защите прав преступника». И. Ефимов совершает историко-философские экскурсии — от глубокой древности до новейших времен. Современную американскую психиатрию, активно вторгающуюся в личную жизнь граждан, в судопроизводство, политику, экономику он сравнивает с инквизицией. И если в конце XV века настольным пособием инквизитора был «Молот ведьм», то для психиатров США таким стало «Руководство к статистическому диагностированию умственных заболеваний», при помощи которого можно диагностировать даже кошку. В реформах 60-х годов XX века обнаруживает истоки многих современных проблем: мировых финансовых кризисов, краха промышленных гигантов, расовых волнений в Америке, провалов американской внешней политики и военных кампаний. Корни проблем, по мнению писателя, в опасном перекосе национального сознания в сторону «разумности и справедливости», связанном с начавшимся двести лет назад обожествлением рационального мышления. И как важная часть этого процесса — резкий идейный раскол между правящими элитарными группами, по терминологии автора, «уравнителями» и «состязателями», между демократами-либералами и консерваторами. Первые выступают под девизом «Да здравствует Справедливость» (то есть закон), вторые — под лозунгом «Да здравствует Свобода». Расходясь по ключевым вопросам, они остаются схожими в полной неспособности учиться чему-то у жизни, в следовании одному и тому же принципу: никогда не признавать ошибочность своих политических догматов. А под поверхностью этого шумного противоборства идет другой процесс: американские свобода и жажда справедливости гложут и усыхают «под цепкой паутиной миллиона лилипутских канатиков — правил, циркуляров, инструкций, сочиняемых каждый день неизвестными бюрократами в тишине своих кабинетов». Исторически сложилось, что интеллектуальная американская элита в подавляющем большинстве выбирает защиту «порыва к справедливости», то есть голосует за партию демократов. А СМИ «в общенациональной кампании за тотальное регламентирование всех сторон нашей жизни прессе досталась не роль *контролируемых*, а роль *контролеров*. В последние пять десятилетий журналисты сделали *контролерами политиков* и предаются этому занятию с несоразмерной страстью и убежденностью». И. Ефимов показывает, как СМИ «утопили» в уотергейтском деле республиканца Никсона и помогли выплыть из моря скандалов демократу Клинтону. К вопросу о Трампе — создавая свою галерею портретов президентов Америки от Д. Кеннеди до Б. Обамы, автор констатирует, что многие свои действия президенты вынуждены совершать тайно, ибо находятся в тисках: для любого начинания требуется заручиться поддержкой Конгресса, федеральных судей, прессы, общественного мнения. В книге много поучительного для российского читателя. Например, мы недооцениваем искреннюю убежденность американцев во благе демократического правления для стран третьего мира, роль идеи торжества демократии в основе развязанных на Востоке кровавых войн. А может ли быть иначе, если «профессора американских генералов в военных академиях учили их, что после свержения тиранов демократия в стране устанавливается сама собой с такой же неизбежностью, с какой груша падает тяжелым концом вниз». И еще: оказывается, у нас много общего: вторжение государства в рыночную экономику, рейдерство, проблемы малого бизнеса, кредитное рабство, бю-

рокраatism, раздутый чиновничий аппарат, дорогие медицина и образование и даже — «плевки» в свою историю. И здесь мы Америку точно не обогнали. А стоит ли? Америка идет своим путем, путем, высланным благами намерениями, о том, к каким неразрешимым противоречиям она пришла, и рассказывает И. Ефимов.

Алексей Олейников. Турецкий капкан: 100 лет спустя. СПб.: Питер, 2016 — 288 с. — (Серия «Новая политика»).

Турецкий капкан — это черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, имевшие и имеющие для нашей страны стратегическое и экономическое значение. На протяжении XVIII—XIX веков и в начале XX века судьба Босфора и Дарданелл являлась частью международного восточного вопроса, в его решении были заинтересованы все великие европейские державы. Из нечерноморских стран особую активность проявляли Англия и Франция, а позднее и Германия. В XIX веке образовались новые черноморские государства — Румыния и Болгария, изъявившие свои интересы. Турецкие Проливы и вопросы контроля над режимом их работы, по убеждению доктора исторических наук Алексея Олейникова, и сейчас имеют ключевое значение в мировой геополитике. А. Олейников подробно освещает историю многовековой борьбы России за статус Проливов, отсчитывая ее от 626 года, когда впервые встал вопрос о проходе славянских ладей через Дарданеллы и Босфор — византийские источники упоминают о появлении их у стен древнего Константинополя. Для России в XVIII—XIX веках вопрос захвата Проливов стал важнейшей государственной задачей, особо предметно обозначился он во время Первой мировой войны, после выступления Турции на стороне противников России. То, что происходило на Балканах и в районе Проливов в Первую мировую войну, и является центральной темой исследования. А. Олейников четко обозначает интересы России в вопросе о Проливах: экономический — 50 % всего русского экспорта, а также 90 % русского зерна проходило через Босфор и Дарданеллы; стратегический — существовавший режим не позволял России в случае необходимости перебрасывать корабли из одного моря на другое. А с нападением Турции появились и соображения духовного порядка: водрузить крест на Святой Софии. В апреле 1915-го Россия получила согласие от союзников на передачу ей Константинополя и Проливов, обещав взамен любые компенсации в Турции, то есть был поставлен вопрос о разделе Османской империи. Благородных намерений не было ни у кого. Теоретикопантюркисты мечтали о «Великом Туране» от японских вод до Скандинавских гор и от Ледовитого океана до Тибетского плато. Союзники России по Антанте борьбу с Турцией вели за сохранение своих колониальных империй, откуда в значительной мере черпали свои ресурсы. Спустя век после событий той войны автор может детально восстановить мельчайшие подробности Дарданелльской операции Антанты (19 февраля 1915 — 9 января 1916), одной из самых кровопролитных (военно-оперативные потери сторон составили до 50 % от численности войск, так или иначе участвовавших в ней) и дорого стоивших, но в то же время и самой безрезультатной кампании Первой мировой войны. Много, когда-то окутанное тайной, стало явным: ход операции, дипломатические игры, разногласия между союзниками, заигрывания со странами, находящимися между собой в неразрешимых противоречиях из-за территориальных претензий: Болгарией, Грецией, Сербией, Румынией, тайные переговоры без ведома России — для союзников России по Антанте было бы в тысячу раз лучше увидеть Константинополь интернациональным, чем российским. «Парадоксально, — отмечает автор, — но установления российской гегемонии в Восточном Средиземноморье христианские государства Западной Европы

боялись больше, чем турецкой опасности», и из-за этого порой саботировали собственную — Дарданелльскую — операцию. В веренице неудач Дарданелльской операции свою роль сыграли и военные просчеты Англии и Франции, и плохая союзная разведка, и некомпетентность высшего командования. Промахи союзников России, считает автор, сказались не только на ходе и исходе мировой войны, но и на состоянии современного миропорядка: остался Балканский узел, тогда же были заложены турецко-иракские нефтяные противоречия, возник курдский вопрос. Подробно и обстоятельно А. Олейников освещает и несостоявшуюся Босфорскую операцию (замыслы, цели), запланированную Россией на весну 1917 года. Революционные события в России поставили крест на Босфорском проекте. Автор ведет подсчет упущенным возможностям разрешения проблемы Проливов в ходе и Первой мировой войны, и Второй. Рассматривает промежуточные соглашения и конференции по режиму работы Проливов. Дает постатейный разбор Конвенции, подписанной в 1936 году во французском городе Монтре, действующей и поныне. И уделяет пристальное внимание современному состоянию вопроса работы Проливов. Он считает, что у нашего государства, ослабленного потерей территорий и серией реформ 1990—2000-х годов, главная цель теперь — не допустить пересмотра положений Конвенции Монтре. «Сил теперь хватит только на это, и хорошо, если хватит. Теперь Россия де-факто сама становится стражем Проливов, противостоящим НАТО и исламистскому Востоку».

Георгий Катюк. Запад и Русь: истоки противостояния. М.: Алгоритм, 2016. — 272 с. — (Исторические открытия).

Уже ставшая устойчивой точка зрения на причины противостояния Запада и России: даже став центром влияния, Европа не избавилась от застарелой провинциальной болезни — патологической ненависти к имперскому центру, олицетворением которого в ее глазах после Византии, представляемой в западной историографии временным и незначительным явлением, неким зигзагом истории, стала Россия. Но автора интересует не столько последовательное развитие отношений Запада — Руси, а то, что происходило на огромном пространстве Римской империи с центром в Константинополе и в ее отдаленной провинции на юге Франции — Окситании. В первую очередь положение дел в религиозной и политической сферах в эпоху крестовых походов, подлинные мотивы и цели крестоносного движения, ставшего, по мысли Георгия Катюка, главным инструментом передела мира. И основной целью крестовых походов была вовсе не защита христианских святынь, а принуждение Константинополя к принятию западной модели христианства и признанию примата Западной церкви над Восточной. Инициаторами же утверждения католицизма, как мы его знаем, стала Северная Франция, точнее, Иль-де-Франс, который и был тогда собственно Францией. Не случайно Франция зовется «старшей дочерью церкви». На том историческом этапе Запад добился лишь частичного успеха: падения Империи и Великого церковного Раскола, как следствие захвата Константинополя латинянами, а точнее, французами, разделения единой имперской церкви на католическую и православную ветви. По мнению автора, первоначально хранителями ортодоксального христианства с глубинными иудаистскими и даже более древними корнями были катары юга Франции. По местечку Альби, где катаризм получил наибольшее распространение, эту ересь еще называют «альбигойской». Автор доказывает, что ересью являлся не катаризм, а католичество, в итоге победившее древнюю религию. Катары Лангедока принадлежали к аристократии и поддерживались ею. Катарам симпатизировало население практически всего Северно-

го Средиземноморья, включая западные склоны Пиренеев, их влиятельные общины существовали в Италии, Германии, Англии, Фландрии, Греции. Катарами были боснийцы. Учение богомилов, мало отличающееся от катаризма, охватило Балканы. О ненависти окситанцев к католицизму с горечью говорил один из идеологов крестовых походов Бернар Клервосский. По сходству верований к катарам были близки и тамплиеры. По мнению автора, орден этот был создан при участии Константинопольского патриархата, но под ударом обрушившихся на тамплиеров испытаний орден вслед за папством откололся от своей *alma mater* — Вселенского патриархата. Это событие в традиционной истории названо «разгромом тамплиеров». Но уничтожили только самых активных противников христианизации во главе с великим магистром. «Все остальные, нацепив на плащи восьмиконечные красные кресты, бросились с еще большим рвением обслуживать новую религию и олицетворявшую ее французскую монархию». Катары, тамплиеры, их религиозные воззрения, ритуалы, взаимоотношения с Византией, дружба с мусульманами, так как до утверждения католичества не существовало особых религиозных разногласий между византийцами и мусульманами... Г. Катюк дает объемную картину средневекового мира. Так, он показывает, какие трансформации испытали и иудаизм, и раннее христианство, их связи с древними религиями. Он считает, что еврейское присутствие в дохристианской и средневековой Европе масштабнее и значительнее, чем мы привыкли думать: евреи являлись верхушкой общественной пирамиды, кастой управленцев, своего рода дворянством вселенской империи с центром в Константинополе, имели привилегии аристократов, владели значимыми ремеслами. И лишь в XIII веке появляются первые признаки превращения еврейства исключительно в финансовую империю. Автор выдвигает свою гипотезу возникновения антисемитизма: евреи ведали сбором налогов с завоеванных территорий, что теплым чувствам к ним не способствовало. Тем более что древние сообщества мытарей на самом деле представляли собой вооруженные до зубов банды и даже армии рыцарей (рутьеров, рейтаров, рейдеров; от «рейд» — военный поход за добычей). Так что образ затравленного еврея-изгоя действительности не соответствует. Не менее любопытен и взгляд автора на армян как военное сословие Римской империи, одно из самых видных элементов в византийской армии. Г. Катюк — приверженец альтернативной истории, им выпущено уже 18 книг. В арсенале аргументаций его построений — абсурдность традиционной хронологии, дубликаты исторических персонажей и событий, имеющие целью прежде всего заполнить зияющие пробелы в растянутой истории, лингвистические наработки. Но в то же время он отменно владеет фактурой — события, исторические персонажи, источниковедческая база. А интерпретировать можно по-разному — времена далекие, зыбкие.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66,
т. (812) 640-44-06 www.lavkapisateley.spb.ru)